

ЦЫГАНЕ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОБРАЗЫ, ПОЭТИКА, ТРАДИЦИИ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (33) 2015

УДК 821.161.1.09:392(=214.58)+821.161.2.09:392(=214.58)

Бедзір Н. Цигани в російській та українській літературах: образи, поетика, традиції; 14 с., кількість бібліографічних джерел – 18, мова російська.

Анотація. У статті проаналізовано, систематизовано та узагальнено еволюцію художніх образів, пов'язаних із зображенням циган та поетичною циганською традицією в російській та українській романтичній і реалістичній літературах XIX – XXI століть. У літературі XVIII ст. втілювалась емоційність, святковість, артистизм, природна мудрість, демонізм циган. Література XIX ст. передовсім розвиває та поглиблює мотиви поеми О. Пушкіна «Цигани», розвиваючи ідею ментальної близькості російської, української та циганської душі. Дослідження поеми Л. Костенко «Циганська муза» показало новаторський характер вирішення теми поета-митця, де автор не полемізує, а продовжує осмислення мотиву Овідія з поеми О. Пушкіна «Цигани». Сучасна лірика поетизує циганську «інакшість», «транскордонність» та життєтвердну вдачу в час глобалізаційних кризових зрушень.

Ключові слова: цигани, поема О. Пушкіна «Цигани», поема Л. Костенко «Циганська муза», поезія О. Петрової, Папуша, поет і народ.

Цыганская муза на протяжении XIX и XX веков часто вдохновляла русскую и украинскую прозу, драматургию, поэзию⁹. Изучение культуры, связанной с цыганами, как в Украине, так и в России в начале XXI вв. переживает не лучшие времена. В 2005 г. была создана Ромская декада Европы (2005–2015) под эгидой международного фонда «Возрождение». В её рамках в 2006 г. начала воплощаться целевая Программа социально-духовного развития ромского народа в Укра-

ине, весной 2008 г. была организована выставка документов и материалов «Голокост против ромов в годы Второй мировой войны», в 2008 г. прошли две международные научные конференции: «Ромы Украины в период Второй мировой войны: современное состояние изучения, преподавания и увековечения памяти» и «Ромы Украины: из прошлого в будущее» (Киев, НАН Украины, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского) [17]. Состоявшееся в июне 2013 года заседание Международного координационного комитета, выдвинувшего инициативу создания упомянутой Ромской декады Европы, констатировало плодотворную восьмилетнюю деятельность в социально-политической, юридической, образовательной сфере, но выявило и проблемы. Они касаются, прежде всего, культурной сферы: так и не смог реализоваться информационно-ресурсный бюллетень, в котором освещались бы текущие события отечественного и зарубежного цыгановедения, не заработало периодическое издание, не была создана справочная ресурсная база (археологические описи и каталоги архивных документов по истории и культуре ромов, библиографические, энциклопедические, терминологические справочные издания и электронные базы данных); слабо протекала деятельность в области изучения цыганской культуры и её влияния в мировом пространстве.

⁹ Цыгане Европы не представляют собой единый этнос и делятся на субэтногруппы, что обусловлено их связью с коренным населением и отражается в языке, материальной и духовной культуре. Их различия значительны. В России проживает около двадцати цыганских субэтногрупп. *Русские цыгане* (самоназвание *русска рома*) — наиболее многочисленный и древний пласт российских цыган, предки которых пришли в Россию при Петре I из Германии через Польшу и Литву. Их занятия были связаны с лошадьми (барышничество и коновальство), женщины гадали и попрошайничали [Махотина, с.4]. Первые упоминания о появлении цыган на территории современной Украины датируются XV в. (в охранный грамоте, выданной великим литовским князем Александром, цыганскому вождю Василию), а их первые поселения были в районе Ужгорода, в Бессарабии и в Крыму. Упоминаются они в саночских летописях за 1428 и 1436, а также в львовских — за 1428 и 1455 годы. На территорию Украины цыгане попадают из Валахии и Молдовы и в XVI веке они кочевали уже по всей Украине [8], [17].

Данная статья в некоторой степени призвана заполнить «исследовательский вакуум» по цыгановедческой проблематике в русской и украинской литературе, а именно – в поэзии. Цель – проанализировать эволюцию художественности, связанной с образами цыган и с цыганской традицией в русской и украинской поэзии XIX – XXI веков. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- обобщить и систематизировать цыганские образы и мотивы в русской и украинской романтической и реалистической поэзии XIX века;
- показать эволюцию цыганской тематики;
- определить векторы развития цыганской темы в современной поэзии.

Русский писатель XX в. Ю. Домбровский в прекрасном мемуарном очерке о встрече в детстве с цыганом, видевшим А. Пушкина среди бессарабских цыган, означил изображение цыган в литературе так: «тема эта – "цыгане в русской литературе" – огромная, неразрешимая. Это тема о внутренней свободе и морали. Посмотреть на нее мы можем только мельком, сбоку» [6].

Цыганская тема в русской литературе разрабатывалась, начиная с XVIII в., А. П. Сумароковым (стихотворение «Места, тобою украшенны»), И. И. Дмитриевым (стихотворения «Ах! Когда б я прежде знала», «Стонет сизый голубочек», «Видел славный я дворец», «К Державину»), Н. А. Львовым («Песня для цыганской пляски»), Г. Р. Державиным («Цыганская пляска»), И. А. Крыловым (комедия «Трумф, или Подщипа») в сатирическом и романтическом ключе: воплощались эмоциональность, праздничность, артистизм, природная мудрость, демонизм цыган.

Самобытный цыганский мир впервые наиболее ярко и целостно воспроизвел в русской литературе А. Пушкин в романтической поэме «Цыганы» (1823). Тема благодаря А. Пушкину приобрела романтическую окраску, возвысила «детей природы» – свободолобивых цыган. Но они здесь идеализированы не поэтом, а его героем – Алеко. Заключительные строки поэмы отрицают романтическую идеализацию «дикой жизни», «первобытной простоты», то есть мифов, столь излюбленных романтиками.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны...

«Цыганы», [15, 79].

Развенчан байронический герой Алеко («ты не рожден для дикой воли, ты для себя лишь хочешь воли»), развенчан «цивилизованный» мир, где «любви стыдятся, мысли гонят/ торгуют волею своей», в конце концов – развенчана также идиллия цыганского «счастья». Какие нравственные и эстетические ценности остаются нерушимыми? Чудесный образ влюбленной и поэтичной Земфиры и её песни, чувственный рассказ отца о любви к

Мариуле, тяготение цыган к жизни в семейном круге и почитание традиций, прекрасная легенда о жизни Овидия рядом с цыганами. А главное – очарованность поэта образом жизни и обликом самих цыган:

Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами

«Цыганы» [15, 62].

О цыганах отец Земфиры говорит: «Мы робки и добры душою...». И действительно: наказание Алеко за убийство оказалось на удивление бескровным, христианским – изгнанием [2].

Множество интересных фактов о присутствии цыганской темы в жизни и творчестве А. Пушкина приводит исследователь М. Ф. Мурьянов:

– в лицее 14-летний Пушкин написал не дошедший до нас роман «Цыган» (1813);

– во время кишинёвской ссылки поэт (чинovníк Министерства иностранных дел!), переодетый в простонародную одежду, на ярмарке пляшет с цыганами и кочует с табором по Буджакской степи;

– пушкинская поэма «Цыганы» (1824) получила оценку компетентных современников в Англии (филолог Дж. Борроу) и Германии (санскритолог А. Ф. Потт) как произведение, лучшее в мировой литературе по выражению внутреннего мира цыган;

– осенью 1828 года у Пушкина было намерение ввести в окончание «Евгения Онегина» гадающую цыганку;

– живя в Москве, поэт, коротко знакомый через П. В. Нащокина с московскими цыганами, становится крестным отцом внучки знаменитой цыганской певицы Стеши, что является единственным известным случаем его крестного отцовства;

– 1831-й год обрученный поэт встречает не с невестой, а в обществе цыган;

– в канун свадьбы Пушкин просит цыганку о прорицании судьбы, и после спетой ему песни («не к добру») рыдает, обхватив голову руками – это третий и последний сообщённый современниками случай слёз поэта в течение всей его жизни;

– единственный документ, свидетельствующий о занятиях Пушкина испанским языком – черновик его пробы перевода новеллы Сервантеса «Цыганочка» (1832);

– Пушкин участвовал в написании либретто оперы М. Ю. Вильгорского «Цыгане»;

– за несколько месяцев до гибели Пушкин создаёт незавершённый набросок поэмы «Альфонс садится на коня», где намечен образ двух разбойников-цыган, по ночам покидающих виселицу [9, 399-415], [12].

В послепушкинскую эпоху мировая литература учитывает художественный опыт русского поэта, продолжает развивать те же мотивы, хроно-

топы, топосы, но уже с учётом своего времени, эстетического направления и национальных особенностей литературы. «Успех этого опыта привел к формированию нового стереотипа этноса, которому в разной степени подчинялась дальнейшая разработка темы в европейском искусстве, учитывая ретрансляцию известных мотивов у Борроу, Мериме, Бизе, братьев де Гонкур и других. <...>. С той или иной целью авторы черпали из поэмы Пушкина этнографическую информацию, заимствовали конфликты, коллизии, антропонимы и т. д.» [8].

В русской послепушкинской литературе цыганская тема воплотилась в образе страстной Грушеньки ("Очарованный странник" Н. Лескова), у Л. Толстого – в Машеньке ("Живой труп"), у А. Куприна – в мистической полесской цыганке Олесе («Олеся»), в очерке В. Даля «Цыганка», в его сказках, а также «бывальщинах», в стихотворениях И. С. Никитина «Степная дорога», «Ссора». Вмешательство «цивилизации» в жизнь цыганского табора показано в рассказе В. Гаршина «Медведи». Происходит кровавый отстрел дрессированных таборных медведей по требованию властей: цыган лишают привычных им занятий, делают оседлыми. Практически во всех перечисленных произведениях образы цыган отмечены симпатией авторов, цыгане наделены артистизмом, природной мудростью и смекалкой. Исключением может служить образ цыганки в рассказе И. Шмелёва «Неупиваемая чаша»: тут она изображена вздорной, алчной, жестокой авантюристкой.

Культурно-эстетический образ цыган стал неотъемлемой частью русской лирики, наиболее ярко – в стихотворениях Я. Полонского, А. Григорьева. Тема природности и естественности цыганского мира звучит в стихотворении Я. Полонского «Цыганы» (1865), контрастируя с образами усталых, обманутых судьбою интеллигентов, пессимистическое и упадочническое самоощущение которых усилилось в 60-е годы XIX века. Я. Полонский удивительно точно подмечает актерский тип ментальности цыган. В самой основе цыганского существования лежат театрализованные ритуалы ворожбы, карнавала (потешного переодевания), трюков с дрессированными животными. Художественно-поэтическими средствами Я. Полонский впервые после А. Пушкина изображает детали цыганского «карнавального» бытия («Песня цыганки»: «Мой костёр в тумане светит/ искры гаснут на лету...») [11, 92].

В последних строках стихотворения «Цыганы» звучит совершенно новая интерпретация гармонии цыганского племени с природой. По Я. Полонскому, это не бездумные дети природы, а равные ей и верные «исполнители» жизни. Их древность, врожденный оптимизм, стихийное странничество, нерушимость культурных устоев, свобода гарантируют им уникальность, перед которой преклоняется сама природа:

Дождик вымоет нас,
Ветер высушит нас
И поклонится нам рожь высокая...

«Цыганы» [11, 160].

Более глубокое и разностороннее воплощение цыганской темы находим в лирике поэта XIX века А. Григорьева. Сам поэт тянулся к цыганам и хорошо знал их быт, нравы. Он писал «цыганские» романсы, перевел на русский язык немецкое либретто оперы А. Рубинштейна «Дети степей, или Украинские цыгане» [4]. В автобиографическом рассказе «Великий трагик» Григорьев пишет о себе: «Для него, <...> нарочно выучившегося говорить по-цыгански, что он мог безопасно ходить в эти таборы и быть там принимаемым как истинный «Романэ Чаво», – для него это была одна из любимых тем разговора» [4, 536-537].

Страдание души стало смысловой и эмоциональной доминантой лирики А. Григорьева. Цыганская тема определила ритмо-мелодическую экспрессию стиха, его двухголосье, психологизм лирического героя, находящегося «в борьбе с безумством страсти». Все эти поэтические особенности присутствуют в одном из самых талантливых циклов Григорьева «Борьба», завершающемся «Цыганской венгеркой», ставшей песенным шедевром. «Борьба» – большой многоплановый цикл из 18 частей, в нем схвачены все мыслимые перепады любовного чувства. 13-я и 14-я части представляют собой интимный исповедальный разговор с «подругой семиструнной» – гитарой.

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

«Борьба» [4, 109]

Несмотря на «роковые» надрывные поэтические формулы – «сердце, отравой облитое», «впивал дыханье ядовитое» – поэт остаётся в лирической стихии:

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой – ты ли?

«Цыганская венгерка» [4, 109-110].

Стилистика цыганской песни как нельзя лучше передает крайности истерзанной русской души: после элегических рефлексий ей необходимы «буйное похмелье, горькое веселье!» Литературная речь сближается с народным просторечием и восклицаниями, принятыми в цыганском хоровом пении («Чибирик, чибиришечка...»), «Бассаната, басаната»), что создает небывалую в русской литературе стилистическую палитру, неожиданно смелую, обновленно яркую, и вместе с тем, корнями уходящую в фольклор. Ни одно произведение в русской литературе не смогло с большей силой, страстностью, поэтической новизной выразить близость русской и цыганской душ. Недаром А. Блок назвал 13 и 14 стихотворения цикла

“Борьба” “единственными в своем роде перлами русской лирики” [4, 21].

Пытаясь определить сущность России, писатель XX в. Игорь Северянин без раздумий включает сюда и цыган как неотъемлемую часть русского мира и его культуры:

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые, –
Ах, им ли радость не дана?

«Моя Россия» [18].

Итак, к XX веку создается мифологизированный поэтический облик русских цыган, чья смеховая карнавальная стихия была воспринята как гарант неистребимой свободы духа, драматической противоречивости, вселенской надрывности – но, вместе с тем, творческой самодостаточности и жизнеутверждающего обновления во всех кризисных состояниях цивилизации.

К теме и поэтике цыган в начале XX века будет обращаться А. Блок, прежде всего в лирике страстей, которым близок “темный морок цыганских песен” («Черный ворон в сумраке снежном», «Когда-то гордый и надменный», «Натянулись гитарные струны»). Но в символистской поэтике А. Блока хлещущее через край цыганское любовное упоение уже пародировано, оно чрезмерно и слишком “прояснено” для символиста:

А монисто брэнчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

“В ресторане”

В поэтике А. Блока реминисценцией становится григорьевская “цыганская” лирика (цикл “Заклятие огнем и мраком” – 7, 8, 9-е стихотворения).

Мемуарная и научная русская литература изобилуют воспоминаниями и исследованиями о популярности цыганских хоров [10, 125-127], [16, 397-404].

Цыганская тема в русской поэзии XX в. разработана более многопланово и щедро, нежели любая другая имагологическая тема. В русской культуре Нового времени она трактовалась по-разному, но всегда в ней подчеркивалась гуманность, лиризм, созвучность русской душе (стихотворения Д. Кедрина, А. Галича, В. Высоцкого). Цыганский мир в XX в. больше привлекает своей замкнутостью, архаикой традиций, неистребимостью оптимистического мироощущения, обогащением поэтики, стилистики, ритма русского стиха.

Цыганская тема в украинской литературе представлена поэмой Т. Шевченко «Відьма», «Співомовками» С. Руданского (1851-1861), рассказом М. Коцюбинского «Пе-коптьор» (1896), литературной сказкой «Цыган» П. Кулиша, повестью О. Кобылянской «В неділю рано зілля копала» (1908). Цыгане в украинской литературе показаны смышлєнными, хитрыми, страстными в люб-

ви, прозорливими и благодарными. Ценностью для них остаются семья, дети. Только в одном случае – в поэме «Відьма» – Т. Шевченко изображает табор, в котором нет детей.

Цыгане помогают всем, кто пришел к ним в трудную минуту («Відьма» Т. Шевченко). Они остаются страстными любителями лошадей («Пе-коптьор» М. Коцюбинского), не терпят насилия над собой (роман Г. Тютюнника «Вир»). Украинская романтическая натура оказалась созвучна цыганской в поэзии любви и восхищении женщиной («Очи черные» Е. Гребинки).

Абсолютно новую интерпретацию цыганской жизни представляет украинская поэтесса Л. Костенко в поэме «Цыганська муза» (1989). В произведении речь идет о Брониславе Вайс, польской цыганке, которую в таборе ласково называли Папушей – куклой. Бронислава (род. в 1910 г.) с детства была непохожей на других: выучилась грамоте, начала писать стихи, пренебрегала ценностями цыганской семьи и табора (ее выдали замуж за цыгана-скрипача, у нее родился сын). В одно время (в 1950-е гг.) ей довелось возглавить табор. Табор всячески «исправлял» Папушу: критиковал за «измену», за переписку с мужчинами-журналистами. Но ее поддержали польские поэты, журналисты, предоставили ей возможность жить в городе (г. Гожув), в условиях нормальной квартиры, писать и издать 2 сборника стихотворений. Цыгане связали приезды журналистов к Папуше и ее переписку с Е. Фицовским с социальными притеснениями, которые в это же время произошли в Польше. Правительством был принят закон об оседлости, который лишил цыган привычного образа жизни, заработка, воли (1950-й г.). Папушу изгнали из табора, она пережила личную драму и умерла в психиатрической больнице в 1987 г. Кроме этого, в детстве Бронислава пережила фашистский геноцид, что также оставило след на ее психике. По другой версии – табор не изгонял ее, болезнь наступила сама по себе.

В сюжет поэмы Л. Костенко вошла первая версия, а образ цыганской поэтессы пронизан противоречивостью и трагизмом. В поэме очевидна новая интерпретация жизни и ментальности цыган в XX в. Но ведущая мысль поэмы – о роли поэта и, главное, – женщины-поэта в жизни народа [3].

Поэма Л. Костенко представляет собой диалог цыгана – хранителя традиций этноса – и женщины-цыганки Папуши, явно одаренной поэтическим талантом. Задумываясь о своем поэтическом даре, Папуша осознает его призвание: писать о народе и для народа, чтобы помочь ему постичь самоё себя. Она мечтает о творческой самореализации, но цыганам не нужна поэтесса: она посягает на основы их жизни, выворачивает в ней наизнанку сокровенное и потаённое, вызывает мысли и рефлексии.

Ви будете осілі. І, може, це чудово.
Одні вважають: треба, а другі – що біда.
Одне я тільки знаю: що вам потрібне слово.
Ви будете без слова стоячі, як вода.

«Циганська муза» [6, 408]

Что же может рассказать о народе слово поэта? Ответу на этот вопрос посвящена большая часть поэмы. У истоков справедливого поэтического слова о цыганах Л. Костенко ставит «великое слово» А. Пушкина. Её «Цыганская муза» пронизана реминисценциями и интертекстом «Цыган» А. Пушкина:

І хто ж до нас озветься великими словами,
як той, що в Бессарабії прийшов до нас колись?

«Циганська муза» [6, 409].

В поэме упоминаются имена Земфиры, Мариулы – героинь поэмы А. Пушкина. Л. Костенко избегает цыганской надрывной поэтики и танцевального бесшабашного ритма в своей поэме, что также говорит о традиции А. Пушкина. На первый взгляд кажется, что Л. Костенко полемизирует с Пушкиным в интерпретации цыганской «свободы» и «неволидушных городов». На такой спор указывает украинская исследовательница О. Башкирова: у Пушкина герой бежит из города, у Л. Костенко – Папуша стремится в городскую среду, чтобы стать поэтом, завершить книгу. Алеко – раздвоен, Папуша – цельная натура [1, 41].

Но при внимательном прочтении двух произведений приходим к выводу: полемики нет, а есть продолжение в «Цыганской музе» Л. Костенко осмысления «мотива Овидия», начертанного А. Пушкиным в поэме «Цыганы». В русской поэме есть «град» Алеко («неволядушных городов»), но есть и «град» Овидия, сблизившегося с цыганами, но тоскующего по изгнавшей его родине.

И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальный град вспоминая ...

«Цыганы» [14, 67].

Ментальность народа, духовное родство с ним, чувство родины – вот те глобальные философско-эстетические концепты, пронизывающие и объединяющие «Цыган» А. Пушкина и «Циганську музу» Л. Костенко. Не с Алеко необходимо сопоставлять Папушу, а со «святым стариком» Овидием, который

... был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный...

«Цыганы» [14, 67].

Овидий у Пушкина просит цыган при возможности перенести его прах на родину, ему важно чувство отчизны и национальное признание:

И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

«Цыганы» [14, 67].

Очевидно, именно этот мотив – поэта и народа – продолжает развивать Л. Костенко в связи с образом Папуши. Среди цыганского племени происходит мощный исторический сдвиг: появляется своя литература, начинает формироваться индивидуализированный автор и осмысляться понятие отчизны, большой и малой родины, национального Слова.

Папуша в поэме испытывает Овидиевы муки и страдает, осмысляя своё поэтическое призвание:

І що їм всім до того, що корчишся ти з болю?

Щоб так страждать за нього, чи вартий цей народ?!

Але ж, але ж, але ж!.. Народ не вибирають.
І сам ти – тільки брунька у нього на гіллі.
Для нього і живуть, за нього і вмирають,
ох, не тому, що він – найкращий на землі!

«Циганська муза» [6].

Нельзя согласиться с исследовательницей О. Башкировой и в том, что «середовище цыган, незважаючи на кровну спорідненість, є для неї (Папуші – моє, Н.Б.) чужиною. <...>. Цигани Ліни Костенко позбавлені романтичного ореолу» [1, 40]. Цыгане в поэме украинской писательницы лишены надрывности и демонизма, но они опозитивированы настолько прекрасно и возвышенно, что трудно найти более чарующие и трепетные определения этому талантливому народу в литературе XX в.:

І є у нас ліси. Пісні є старовинні, –
старе вино душі! Навіщо нам скрижаль?
І що кому до нас? Кому і що ми винні?
Ми – протяг золотий в історії держав.

Ми – мідний листопад, гортанний клекіт болю,

з'явилися, як приснились, і слід по нас прочах.

А грамота? Хіба ми не читаєм долю
по лініях руки, по зорях, по очах?

«Циганська муза» [6].

Как представляется, Лина Костенко в своей поэме не призывает к какому-либо одному решению проблемы: нужен ли «Цыганоград» этому народу, нужны ли ему поэты-мыслители и наследие элитарной культуры.. Эпиграфом к поэме являются слова о том, что «к поэзии надо сходить, как к большому костру», то есть как к длинному, а по возможности бесконечному общечеловеческому собеседованию. Главное – чтобы костёр не погас. Литература, поэзия – великий диалог, и здесь важно всё изречённое.

Как развивается мотив «цыгане и цивилизация» в литературе последних десятилетий? Как оказалось, этот мотив особенно актуален в современном глобализированном и «бегущем» (от слова «беженцы») мире. Народы Европы всё более отрываются от своих корней, унифицируют речь. В стихах русской поэтессы Александры Петровой, которая жила в Тарту, Петербурге, Иерусалиме, а теперь живет в Риме, отражается опыт современных поэтов, часто пересекающих национальные границы (сб. «Линия отрыва», «Вид на жительство»). Движение, путешествия, смена географии, социальные катаклизмы, общепонятный язык и жестикуляция, фастфуд – таковы образы её стихотворений («Вид на жительство», «Метро Макдональд»).

Новая книга А. Петровой «Только деревья» (2008) полна образами цыган: они наиболее созвучны такому времени и мировосприятию:

В шесть утра набивались в вагоны
дремой раненные наповал:
африканцы, китайцы, албанцы,
украинцы. Кого не назвал?
В такт качаясь, в газетах читали
про убийства, про смерть без прикрас,
по слогам повторяли:
вы-бо-ры, нефть, газ.
Заходили цыгане с гармонью,
плясовую пускали враздрызг,

вверх ладонью с бумажным стаканом
чумазенок просил золотых.

«Метро Макдональд» [13].

Они живут в такт экономическим ритмам мегаполиса и, приспособившись к новой жизни, кочуют, легко и безболезненно пересекают границы, попрошайничают и воруют, поражают бесшабашным артистизмом. Это новое понимание свободы: от языка, от места, от вещей, от денег, от крыши над головой. Это обнищание, которого не боятся и не стыдятся: оно стало нормой. И цыганская жизнь пришлась ко двору в такой Европе. А. Петрову ведёт «муза потерянных оснований», – пишет переводчица С. Сандлер [14, 4]. Но слово «любовь» не исчезло из лексикона цыган, хотя и приобрело деэстетизирующие контаминации:

Библиотеки, больницы и школы
вылетали из катапульт ураганов.
В пребывающих залежах свалок и кала
копошились детишки и вырастали
еще невиданные растенья желания и,
как говорил в подпитье цыган, — любви.

«Кто любил цыгана, до Турина...» [14]

Таким образом, тему цыган и цивилизации продолжает сама жизнь: жизнеутверждающие ценности этого народа оказались особенно востребованы и позитивно переосмыслены.

Литература

1. Башкирова О.М. Культурологічна концепція ліро-епосу Ліни Костенко (полеміка з російськими класиками)// Літературознавчі студії / Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. – Вип. 29. – 2010. – С.35-42.
2. Бонди С.М. Поэмы Пушкина. Русская виртуальная библиотека. [Электронный ресурс] / Бонди С.М. – Режим доступа http://www.rvb.ru/pushkin/03articles/03_1poems.htm, свободный.
3. Брюховецкий В.С. Ліна Костенко. Нарис творчості. – К.: Дніпро, 1990. – 262 с.
4. Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. /А. Григорьев.- М.: Худож. лит., 1990.- Т.1. Стихотворения; Поэмы; Проза / Вступит. ст. Б. Егорова и А. Осповата. – 607 с.
5. “Дети степей, или Украинские цыгане”– опера А. Рубинштейна. «Дети степей» – немецкое либретто С. Мозенталя по роману в стихах К. Бека «Янко, венгерский табунщик». Премьера: Вена, 23 февраля 1861 г. Для русской оперной сцены события в либретто были перенесены из Венгрии в Украину. Либретто создал А. Григорьев. Русская премьера – Москва, Большой театр, 10 февраля 1867 г. Опера часто исполнялась за рубежом: Данциг (1885), Кассель (1886), Прага (1891), Берлин, Дрезден (1893) и т. д. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.classicmusic.ru/opera_detistepey.html свободный.
6. Домбровский Ю. Цыганы шумною толпой...// Домбровский Ю. Статьи, очерки, воспоминания. Собрание сочинений в шести томах /Ю. Домбровский. – М.: "Терра", 1992. – Т.6. – 436 с.
7. Костенко Л. Циганська муза// Костенко Л. Вибране / [ред. М. Н. Москаленко]. – К. : Дніпро, 1989. – 559 с.
8. Махотина И.Ю. Цыгане и русская культура. Литература и фольклор: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.01/ И.Ю. Махотина. – Тверь, 2011. – 21 с.
9. Мурьянов М.Ф. Пушкин и цыгане // Мурьянов М.Ф. Пушкин и Германия./ М.Ф. Мурьянов. – М., 1999. – С. 399-415.
10. Нилова О.Д. Страница из дневника. Встречи с прошлым: из жизни Яра. Картинки прошлого. Приложение 2. /О. Нилова // Русская литература. – 2015.–№1. – С. 125-127.
11. Полонский Я.П. Лирика. Проза /Я. Полонский./ Сост., вступит. ст.. и ком. В.Г. Фридлянд; ил. Ю.К. Бажанова – М.: «Правда», 1984. – 608 с.
12. Перемышлев Е. Метод Михаила Мурьянова //«Первое сентября.- 2006. – №11.[Электронный ресурс]. Режим доступа <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601110> свободный.

13. Петрова А. Метро Макдональд // Зеркало.-2007.- № 29-30.
14. Петрова А. Только деревья / Предисловие Стефани Сандлер./ Александра Петрова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. –Серия «Поэзия русской диаспоры. – 116 с.
15. Пушкин А. Цыганы // Пушкин А.С. Сочинения: в 3-х т. /А. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1986. – Т.2: Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. – 527 с.
16. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы / М. Пыляев. – С.-Петербург: «Паритет», 2008. – С.397 – 404.
17. Роми України: із минулого в майбутнє. Тематичний випуск // Наукові записки: Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 15. – Київ, 2008.
18. Северянин И. Антология русской поэзии. Моя Россия. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.stihi-rus.ru/1/Severyanin/57.htm> свободный.

Наталія Бедзір

**ЦЫГАНЕ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ОБРАЗЫ, ПОЭТИКА, ТРАДИЦИИ**

Аннотация. В статье проанализирована, систематизирована и обобщена эволюция художественных образов, связанных с изображением цыган и поэтической цыганской традицией в русской и украинской романтической и реалистической литературах XIX-XXI веков. В литературе XVIII в. воплощалась эмоциональность, праздничность, артистизм, природная мудрость, демонизм цыган. Литература XIX в. развила и углубила мотивы поэмы А. Пушкина «Цыганы», подчёркивая ментальную близость русской, украинской и цыганской душ. Исследование поэмы Л. Костенко «Цыганская муза» показало новаторский характер решения темы поэта-художника, где автор не полемизирует, а продолжает осмысление мотива Овидия из поэмы А. Пушкина «Цыганы». Современная лирика поэтизирует «инаковость», «трансграничность» и жизнеутверждающий характер цыган во время глобализационных кризисных сдвигов.

Ключевые слова: цыгане, поэма А. Пушкина «Цыганы», поэма Л. Костенко «Цыганская муза», поэзия А. Петровой, Папуша, поэт и народ, компаративистика.

Nataliya Bedzir

**GYPSIES IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN LITERATURE:
CHARACTERS, POETICS, TRADITIONS**

Abstract. The article analyzed, systematized and summarized the evolution of the images of Gypsies and Gypsy poetic tradition in Russian and Ukrainian realistic and romantic literature of XIX – XXI centuries. The literature of the eighteenth century embodied emotion, festivity, artistry, natural wisdom and demonic of Roma. Literature of XIX century primarily develops and deepens the motives of Pushkin's poem "Gypsies", developing the idea of mental closeness of Russian, Ukrainian and Gypsy soul. Research poem of L. Kostenko "Gypsy Muse" showed the innovative nature of the theme of the poet-artist, where the author is not arguing, but continues to understanding the motive of Ovid's in the poem of Pushkin "Gypsies". Modern Gypsy lyrics poeticises "otherness", "borderlands" and life-asserting character at a time of globalization crisis shifts.

Key words: Roma, A. Pushkin's poem "The Gypsies", L. Kostenko's poem "Gypsy Muse", poetry by A. Petrova, Papusha, poet and people, comparativistics.

Стаття надійшла до редакції 16.07.2015 р.

Бедзір Наталія Прокопівна – доктор філологічних наук, професор кафедри російської літератури філологічного факультету ДВНЗ «УжНУ», завідувач кафедри